# Закон затона

**Автор:**
Дмитрий Силлов

Закон затона

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайперЗакон меча и затона #2

Необычный выброс пронесся над Зоной, полностью высушив затон реки Припять, куда «мусорщики» годами сбрасывали редчайшие артефакты. Казалось бы, иди и греби их лопатой – но это не так-то просто сделать. Жесточайший радиационный фон убивает все живое в этом месте, к тому же его теперь заполняет кровавый туман, из которого еще никто не возвращался.

Снайпер по-прежнему одержим идеей оживить своих погибших друзей. И теперь путь к его цели лежит через затон, что фактически равносильно гибели. Вдобавок к этому «клондайку артефактов» проявляют нешуточный интерес все крупные группировки Зоны: «Борг», «Воля», бандиты, наемники, которые никогда не допустят сталкера-одиночку к сокровищам, скрытым в красном тумане…

Но Снайпер все же готов идти, несмотря на любые препятствия, даже точно зная, что живым ему оттуда не выбраться.

Дмитрий Олегович Силлов

Закон затона

© Д.О. Силлов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе https://vk.com/worldsillov, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Фыф шагнул навстречу любимой… и остановился в нерешительности. Сплошной туман, обволакивающий все вокруг, – это было странно. К тому же он был живым, шам это ясно чувствовал. Туман колыхался, расступаясь впереди и смыкаясь за спиной, и казалось, что он изучает путника, рассматривает, обнюхивает, как опытный торговец, принимающий дорогой товар.

– Настя, что это за место? Где мы?

– А ты не догадываешься? – удивилась кио.

– Край… вечной войны? – запнувшись, предположил шам. – То есть мы умерли?

Настя улыбнулась.

– Но если мы видим друг друга, слышим и любим по-прежнему, то какая разница, умерли мы или живы? – проговорила она. – Главное, что мы вместе, верно?

– Верно. – Фыф сделал еще один шаг и взял любимую за руку. – Только ты и я, снова вдвоем.

– Не, только вы вдвоем не получится, – сказал Рудик, выходя из тумана вместе с Рут, которую держал за руку. – Будем дружить семьями. Просто тут много всяких тварей водится, и вчетвером отбиваться от них сподручнее, чем вдвоем. Кстати, рад тебя видеть, одноглазый.

– Взаимно, – радостно улыбнулся Фыф.

Монумент не обманул. Он вернул ему счастье, казалось бы, потерянное навсегда. И действительно, какая разница, где ты обретешь это счастье – в жизни или после смерти? Главное – что оно здесь, с тобой! Ведь что может быть прекраснее, чем быть в окружении друзей и держать за руку любимую, зная, что она тоже любит тебя?

Единственное, что смущало Фыфа, – это туман. Который становился все гуще, местами свиваясь в угрожающие тугие узлы, похожие на клубки огромных серых змей. Вот один такой клубок размером с трехэтажный дом приблизился – и в нем утонули сначала Рудик, а после Рут, такие же счастливые и улыбающиеся, не почувствовавшие опасности – и внезапно растворившиеся в ней…

И кисть Насти стала какой-то слишком нежной, словно он не ее держал за руку, а клок тумана, стремительно таявший в его пальцах…

Фыф резко повернул голову, чтобы взглянуть в лицо любимой – но вместо него был лишь туман, подступивший слишком близко. Ничего не было вокруг, кроме проклятой мерзкой живой взвеси, заполнившей собою все…

И тогда Фыф закричал.

Жутко, с надрывом!

Потому, что терять свое счастье раз за разом намного страшнее, чем умереть. Смерть – она один раз. А вот потери, повторяющиеся снова и снова, хуже любой самой ужасной гибели. Ты словно возрождаешься – и умираешь вновь, только еще мучительнее. Потому что, возродившись, каждую секунду ждешь, когда же все потеряешь опять…

От дикого крика шама туман вздрогнул. В его плотной структуре образовались провалы, и он начал стремительно таять, открывая перед Фыфом знакомую унылую картину.

Огромный зал-пещеру, стены которого были перевиты ниточками ржавых лестниц…

Неровный пол, заваленный костями и полуистлевшими трупами тех, кто тоже искал свое счастье – и нашел его здесь. Вечное. Которое у него уже точно никто никогда не отнимет.

И Монумент, равнодушно мерцающий мертвенной небесной синевой, отчего человеческие останки казались жуткими глыбами льда цвета чистого неба…

Фыф упал на колени.

– Ты обманул меня, Монумент, – тихо проговорил он, чувствуя, как по щеке катится одинокая слеза. – Ты подарил мне вместо счастья иллюзию. Красивую сказку, которой никогда не сбыться…

«Счастье и есть иллюзия, – раздался в его голове неслышный шепот – а может, это был голос собственного разума. – Мы верим в то, что нам хорошо, обманывая себя потому, что хотим быть обманутыми…»

Фыф не хотел этого слышать – ни чужих мыслей, ни своих. Ужасное горе переполняло его. Он зарыдал, уронив лицо в ладони… и замер.

У него больше не было множества глаз, для которых, казалось, уже не хватает головы. Лоб над одним-единственным глазом стал выпуклым и гладким, как раньше, когда Фыф был обычным шамом низшего уровня.

Он уже испытывал подобное некоторое время назад – там, в мире своего счастья, оказавшемся иллюзией. Но тогда это не имело значения – ведь рядом были любимая и друзья.

Но сейчас их не было. И ощущение новой потери потрясло шама до глубины души. Он уже привык к власти над стихиями, предметами и живыми существами. И теперь, когда все его нажитые потом и кровью трансформации и способности исчезли вместе со счастьем, в которое он с такой радостью поверил, чувство потери стало просто невыносимым…

А когда живому существу больше нечего терять, у него появляется желание.

Невероятно сильное.

Всепоглощающее.

Или умереть как можно скорее, или…

Фыф поднял голову. Если бы кто-то смог в этот момент заглянуть в его единственный глаз, занявший половину лба, он бы, скорее всего, инстинктивно отшатнулся в ужасе – такая почти физически ощутимая ярость полыхала внутри шама, выплескиваясь наружу черной, липкой, удушающей волной.

– Слушай меня, Монумент, – страшным, леденящим голосом произнес Фыф. – Ты отнял у меня мечту, но твоей вины нет в том, что погибли мои друзья и моя любимая. Без глупой, несбыточной мечты даже лучше. Мертвых не вернуть, но зато я могу отомстить тем, кто их убил. Людям. Всему этому проклятому племени, возомнившему себя вершиной эволюции. Поэтому слушай мое желание. Я хочу стать как ты, Монумент. Не просто убивать этих жалких существ, а делать это так, чтобы они сами приходили ко мне, а потом молили о

смерти как об избавлении от страданий…

Пока он говорил, синее свечение внутри Монумента начало пульсировать, словно сердце, бьющееся все быстрее и быстрее. И в какой-то момент что-то лопнуло в этом сердце, словно порвался сосуд – и алая кровь, клубясь, хлынула в сияние цвета чистого неба.

Буквально в считаные мгновения цвет Монумента изменился – теперь вместо мертвенной лазури он сиял кровью, источал ее, закручивал в торнадо, вдруг взметнувшееся до потолка… Кровавый вихрь подхватил Фыфа, словно пылинку, и за долю секунды растворил в себе и самого шама, и его лютую ненависть к людям, которые отняли у него все, ради чего стоило жить…

* * *

– Тысяча снарков!!!

Петрович схватился за голову.

Перед ним лежала распечатанная упаковка зажигалок Снайпера со знаменитой надписью: «Если пойду я долиною смертной тени…»

– Что случилось, хозяин? – предупредительно поинтересовался охранный киб.

– Случилось?!! – задыхаясь от гнева, еле проговорил торговец. – Что случилось?! Гравер, чтоб его в «комариной плеши» расплющило, мышкана неграмотного, лишнюю букву нарисовал, сволочь! «СмертОной»! Мать его, «смертОной»!!! И не на одной зажигалке, а на целой партии!!! И что мне теперь с ними делать?

– Со скидкой продайте, – осторожно проговорил киб, уже успевший изучить хозяина не хуже хорошей сторожевой собаки.

– Со скидкой?!! – прохрипел торговец. – Я – и со скидкой?!! Смерти моей хочешь, чурбан синтетический?

– Я как лучше хотел… – попятился киб, понимая, что сморозил что-то ужасное…

– Лучше бы ты сдох, – держась за сердце, простонал Петрович, потихоньку осознавая, что ничего лучшего в этой ситуации придумать не получится.

Принципы принципами, а скидку сделать придется.

Впервые в жизни…

– Хозяин, на мониторе клиент, – машинным голосом произнес второй киб, наблюдавший за обстановкой вокруг бункера.

– Кого там снарки несут? – раздраженно бросил торговец.

Киб, не отлипая от оптического визира, который почему-то называл монитором – наверно, другого слова в программе не было, – выдал:

– Расстояние до цели триста пятнадцать метров. Объект вооружен, в каталог постоянных клиентов не входит, движется по направлению к бункеру. Судя по внешнему виду униформы и данным сети КПК, относится к неофициальной группировке вольных сталкеров. Визуально полученные данные, а именно – ограниченная подвижность и пятна крови на одежде, – позволяют предположить, что объект серьезно ранен.

– Дай сам гляну, – поморщился Петрович, которого часто подбешивали казенные доклады кибов – не могли, что ли, в них закачать побольше алгоритмов нормальной человеческой речи? И, глянув, проворчал: – Ну да, мать твою, «позволяют предположить», когда Дрозд еле волочется, того и гляди сдохнет прям у порога. Иди, притащи его сюда, пока он там не рухнул и его хабар кто-нибудь не забрал.

Киб отправился выполнять команду, а Петрович на всякий случай закрыл за ним решетчатую дверь и, усевшись за стол, открыл для солидности ноутбук. Чтоб клиент, войдя, сразу понял, что оторвал серьезного человека от важного дела – под таким соусом гораздо удобнее и продуктивнее разводить сталкеров сдавать хабар за бесценок…

Но Дрозду, которого киб фактически на себе втащил в бункер, было не до продуманных схем торговца. Он если что и видел вокруг, то смутно – того и

гляди отключится. Морда бледная, на лбу капли пота, левая штанина, в двух местах разорванная пулями, вся пропитана кровью.

Ясно. Дрозд с минуты на минуту или вырубится, или кончится прям тут, не отходя от кассы. Литра два кровушки небось в Зоне оставил, непонятно как сюда добрался – не иначе на автомате. Потому говорить с ним надо было жестко, коротко и без предисловий – чтоб дошло.

– Хабар принес? – повысив голос, прорычал Петрович.

– Да, – с трудом вытолкнул из себя Дрозд, тяжело облокачиваясь на прилавок перед решеткой, отгораживающей покупателей от продавца. Отдышался немного, трясущимися пальцами открыл контейнер на поясе – и вытащил оттуда артефакт, от вида которого Петрович невольно открыл рот. По нижней губе торговца стекла вниз внезапно выделившаяся слюна…

Петрович спохватился, захлопнул пасть, вытер подбородок и, мысленно ругая себя за то, что показал клиенту, насколько ему интересен хабар, проговорил:

– Ну, за эту непонятную хреновину я дам тебе…

– «Панацею»… – прохрипел сталкер. – Дай… «синюю панацею»…

– О как!

Петрович призадумался.

Редчайший артефакт «синяя панацея» у торговца имелся. Один. На случай, если его самого смертельно ранят или болезнь какую подхватит в Зоне, от которой можно ластами хлопнуть. Этот арт способен вылечить от чего угодно – или убить. Страшно. Так, что многие из тех, кто видел подобное, зареклись вообще брать его в руки.

По идее, Петрович ничем не рисковал, если б прям здесь дал Дрозду «панацею» – артефакт-то многоразовый. Однако поговаривали, что в редких случаях после излечения или, как вариант, смерти пациента артефакт разрушается полностью. И испытывать судьбу торговцу не хотелось.

Но в то же время принесенный Дроздом неведомый арт, что лежал на прилавке, испускал интенсивный бирюзовый свет, который пульсировал внутри него, то разгораясь, то медленно угасая. А еще от артефакта шли вполне ощутимые волны нереальной силы, от которой по спине торговца ползли приятные мурашки – так всегда бывало, когда наклевывался крупный куш…

И Петрович решился.

– Годится, – кивнул он. – Но «панацею» дам не насовсем, лишь попользоваться, чтоб ты дуба не дал. Устроит?

Дрозд, похоже, уже не мог говорить, лишь кивнул. Понятное дело, кивнешь – жизнь-то, она дороже любого самого дорогого артефакта.

– Но одно условие, – прищурился торговец. – Ты расскажешь, где его нашел.

Дрозд с трудом поднял голову. Лицо уже не бледное, а мраморное. Глаза мутные. По ходу, через пару секунд отключится. Или сдохнет.

Петрович кивнул кибу, что стоял рядом со сталкером – и тот все понял правильно. Быстрым движением выдернул из своего плечевого кармана желтую аптечку и прямо через одежду вкатил раненому из шприц-тюбика жестокий коктейль разных стимуляторов, составленный по рецепту самого академика Захарова.

Дрозд захрипел, затрясся, но на ногах устоял. Более того, взгляд у него прояснился почти сразу, и руки трястись перестали через полминуты. Даже лицо слегка порозовело непонятно с чего – когда крови в организме осталась от силы половина, румянцу взяться просто неоткуда. Но, как бы там ни было, чудо-коктейль Захарова подействовал, и сталкер заговорил.

– Короче, два дня назад выброс был, если помните – да хрена с два такое забудешь…

Раненый закашлялся, а Петрович переглянулся с кибом, что стоял возле сталкера. Чушь какую-то Дрозд несет, не было никакого выброса, да и рано еще. Явление и правда жуткое, которое проспать нереально даже в бункере, где

можно пережить практически любые выкрутасы Зоны. Но огромной кроваво-красной волны, сметающей на своем пути все живое, не успевшее спрятаться ниже уровня земли, не было ни два дня назад, ни три, ни четыре. Бредит Дрозд под стимулятором, только и всего.

Сталкер, поймав взгляд торговца, понял, что ему не верят, и нехорошо оскалился.

– Думаете, я крышей поехал? Ни фига вы не угадали. Рвануло над Четвертым энергоблоком до неба – сначала синий столб до туч, а потом он алым сделался, с какими-то черными разводами. Я там был неподалеку, сам лично видел. Только оно не как обычно по всей Зоне разлилось, а как огромным таким хлыстом по затону шибануло. За затон вы ж поди знаете – дамба там, которую ликвидаторы аварии построили, отток зараженной воды в реку Припять перекрывает, и по сути тот затон – это стоячее гнилое болото, в котором радиация зашкаливает, и никто в здравом уме туда не сунется. Плюс там рядом с затоном куча радиоактивных могильников, что фонят – мама не горюй, слева ПВЛРО «Песчаное плато», справа пункт временной локализации радиоактивных отходов, слева ПЗРО «Подлесный». Ну и болота гиблые вокруг затона, само собой…[1 - ПВЛРО – пункт временной локализации радиоактивных отходов.][2 - ПЗРО – пункт захоронения радиоактивных отходов.]

– Это мы все и без тебя знаем, – махнул рукой Петрович, в уме прикидывая, сколько времени еще подействует стимулятор. – По делу говори, да покороче. Ну шибанул тот локальный выброс по затону, и дальше что?

– А то, что от того выброса вся вода в затоне испарилась, – недовольно буркнул Дрозд. – И на дне его артефакты валяются, под толстым слоем ила, мусора и сталкерских трупов, которых в затоне топили с тех пор, как эти места Зоной стали. Здесь-то в окру?ге все арты повыгребли, паршивого «этака» не найдешь, а там нетронутый клондайк артефактов.

У Петровича загорелись глаза.

– И что? Что дальше?

– Да ничего хорошего, – пожал плечами сталкер. – Все туда ломанулись было, первыми, понятно, вольные сталкеры, за ними бандиты. Да только резко

обломились. Фон там такой, что мясо с костей стекает, как дерьмо с забора. Не сразу, конечно, может, арт и успеешь зацепить, и даже вернешься. А потом сразу и подохнешь нахрен – или сам от облучения, или от бандитской пули. Они сейчас затон оцепили, сволочи. Туда всех пропускают, иди пожалуйста. А вот обратно еще никто не вышел. Почти никто. Кореш мой, Давыд, сходил. Ночью. Он как кошка передвигается, хрен услышишь. Передвигался, то есть. Когда обратно шел, бандиты его подстрелили, я только и успел что этот арт с трупа снять и ноги унести.

Петрович снова переглянулся с кибом.

Душещипательную историю, конечно, прогнал сейчас Дрозд, однако вполне могло быть иначе. Увидев, какое богатство добыл Давыд, его кореш вполне мог решить, что арт ему нужнее. И результатом несовпадения взглядов двух сталкеров на дележ добычи стал обмен пулями, в котором Давыду повезло меньше, но и Дрозд не ушел целым и невредимым.

Но торговцу было совершенно по барабану, кто и каким образом добывает для него хабар. И история, которую ему сейчас сгрузил сталкер, выглядела правдоподобной за исключением красивой концовки, которой можно было пренебречь.

– Ладно, – Петрович хлопнул ладонью по столу. – Считай, что ты честно заработал свою «панацею». Давай арт сюда.

И, ловко подставив под протянутый артефакт трехслойный контейнер, быстро захлопнул крышку – еще не хватало поймать солидную дозу радиации. Сильные арты обычно фонят что твой реактор, а этот был очень сильным.

В огромном сейфе торговца таких контейнеров было немало – все с наклейками, на которых Петрович скрупулезно записывал, когда и кем арт был продан, за какие деньги, какие у артефакта свойства. И в данном случае торговец своей привычке не изменил – сначала налепил наклейку, все указал, определил приобретение в сейф, и лишь после этого достал ящик с надписью «Синяя панацея».

А когда принес его к стойке, Дрозд уже концы отдавал. Лежит себе на полу, невидящими глазами в потолок смотрит, руки-ноги сведены предсмертной

судорогой. Ну да, стимулятор последние силы из него выпил. Организм отработал на форсаже – ну и все, теперь клиент уже одной ногой на том свете.

– Две-три минуты до летального исхода, – скучным голосом произнес киб, который и не подумал поддержать раненого, когда тот на пол рухнул, ибо это не входило в его обязанности и не было прописано в программе.

Петрович почесал в затылке. По-хорошему, подождать бы эти минуты, а потом ночью аккуратно утопить тело в болоте, благо богатый опыт имеется.
И «панацеей» рисковать не придется…

Но у Петровича была свой профессиональный моральный кодекс, который он, начитавшись кое-каких книг, с некоторых пор называл «законом торговца». Неудобная штука в некоторых случаях, например в таких, как сейчас. Но очень полезная для репутации, которая намного важнее одноразовой выгоды.

И потому он отпер решетчатую дверь, подошел к умирающему, встал на одно колено, осторожно открыл контейнер с «синей панацеей» – и резко приложил его к рваной ране на ноге Дрозда.

Нога дернулась, будто ее нехило так током шарахнуло. Потом еще раз, сильнее, так, что Петрович аж контейнер выронил, хотя держал его крепко – и успел увидеть, как в рану, разрывая ее лепестками, вползает оживший кристалл, похожий на обледеневшую кувшинку, внутри которой, словно живое, беснуется ярко-синее пламя.

Впрочем, это длилось недолго. «Панацея» довольно шустро погрузилась в разорванное мясо и поползла вверх по ноге – это хорошо было видно по синему пламени, просвечивающему сквозь кожу и одежду. А еще слышалось глухое чавканье, словно артефакт увлеченно жрал человека изнутри…

И тут от адской боли Дрозд пришел в себя! И забился на полу, колотя локтями в бетон, захрипел:

– Вытащи… Вытащите ее из меня!!!

Его глаза едва не вылезали из орбит, на губах выступила кровавая пена – похоже, язык себе прикусил неслабо или щеку изнутри разгрыз. Но это Дрозда сейчас мало заботило – адская боль никогда не перекрывается незначительной, которую в случае серьезных мучений просто не замечаешь…

А потом сталкера выгнуло так, что он едва на «мостик» не встал. И видно было, что корежит его знатно, словно небольшая по размеру «панацея» внутри него выросла до размеров бультерьера, который сейчас увлеченно рвет внутренности Дрозда. По телу раненого ходили неестественные волны, руки и ноги сталкера изгибались под немыслимыми углами, и в повисшей тишине отчетливо был слышен треск ломаемых костей и суставов.

– Пристрелите… меня! – с трудом вытолкнул из себя Дрозд. – Пожалуйста…

Петрович вздохнул.

– Нельзя. Ты сейчас или вылечишься, или… нет. Но в любом случае терпеть осталось недолго.

Он умолчал о том, что если убить человека в тот момент, когда в нем работает «синяя панацея», можно считать, что артефакт потерян – из трупа извлекается лишь бесполезный кусок камня грязно-серого цвета, формой похожий на бесценный арт, который только на тумбочку можно поставить в качестве сомнительного украшения. Да и ни к чему Дрозду лишняя информация, все равно он уже ничего не слышал. А через несколько секунд у него из ушей, ноздрей и глаз кровь пошла – значит, «панацея» дошла до мозга… и сейчас активно его выжирала. Из чего можно было сделать вывод, что сталкеру не повезло.

А через полминуты внутри его раззявленного рта, сведенного посмертной судорогой, появился синий свет – и наружу, с хрустом выворачивая из десен мешающие проходу зубы мертвеца, неторопливо вылезла «панацея». И на коротеньких ложноножках попыталась сбежать, однако Петрович ловко подставил контейнер, отловил артефакт и захлопнул крышку.

– Теперь совесть чиста, – немного запыхавшись, произнес он. – Можно сказать, что ущерб от бракованных зажигалок мы сегодня отбили.

Потом торговец перевел взгляд на мертвое тело – вернее, на то, что от него осталось. А именно – кожу, завернутую в одежду. Больше внутри ничего не было, как это всегда случается, если лечение «панацеей» не задалось.

Труп артефакт выжрал без остатка. То, что осталось от Дрозда, можно было сеном набивать и получившееся чучело в угол ставить для красоты. Даже на шарики для глаз тратиться не надо – глаза незадачливого сталкера навеки остались остекленевшими, слегка поблескивающими изнутри синим потусторонним светом.

Но Петрович чучелами не занимался, жизнь на другое научила. Потому он кивнул на останки и бросил кибу:

– Набей это тем барахлом, что он с собой притащил, – автомат его ушатанный, контейнеры для артефактов, одежду и рюкзак тоже внутрь засунь, и выброси в болото.

– Хабар же, – осторожно заметил киб. – Продать можно.

– Расход, конечно, – согласился Петрович. – Но мне нафиг не надо, чтоб слухи пошли, будто я специально сталкеров мочу, дабы потом их тряпки сбыть. А так был Дрозд – и вдруг пропал. И барахло его вместе с ним. Значит, или утонул в болоте, или в аномалию попал. Мне нафиг не надо, чтоб через его убитый автомат или помеченные сапоги ко мне ниточка потянулась. Этих вольных сталкеров хрен поймешь – то по барабану, что кореш пропал, а то давай искать его всем гуртом, типа, жизни положим, а братана найдем.

– Как всегда мудро, хозяин, – кивнул киб и принялся за дело.

– А то, – хмыкнул Петрович. Хоть и сам в свое время заказал, чтоб Захаров в прошивку его кибов эту фразу встроил, а все равно каждый раз приятно такое слышать.

* * *

Лазурное сияние заливало все вокруг.

И я сам был частью этого сияния, растворенным в нем элементом вселенной цвета чистого неба, где нет ни времени, ни материи, ни чувств, ни эмоций…

А потом внезапно эта волшебная вселенная схлопнулась, став концентрированной болью.

И я состоял из этой боли, став комком страданий, пронизывающих каждую клеточку моего тела.

Да, оно вновь появилось у меня. Тело, извивающееся от боли, которую нельзя представить и невозможно терпеть. Но мозг не хотел выключаться, отправлять в спасительное забытье того, кто вот-вот сдохнет на этом вонючем полу…

Но ничто не может продолжаться вечно. Постепенно расплавленная лава, выжигающая меня изнутри, стала остывать – и наконец исчезла совсем. А я остался валяться, словно смятая тряпка, – такой же бессильный и безвольный, неспособный даже пошевелиться.

Однако понемногу мой мозг оправился от шока, а глаза привыкли к полумраку – и я осознал, что лежу в каком-то сарае на куче прелой соломы. Сквозь щели между неплотно подогнанных досок, из которых была сколочена крыша, пробивался тусклый солнечный свет, позволяющий рассмотреть окружающую обстановку.

Сарай был старым, удивительно, что еще не развалился. И вонючим, как воняют неухоженные сельские строения, когда, поковырявшись в грязи и навозе, неочищенный инструмент годами суют в такие вот на скорую руку собранные хранилища. Они и сейчас присутствовали – изрядно подубитые вилы, лопаты, грабли, мотыги, прислоненные к стене либо просто валяющиеся на полу. Плюс пара мятых ведер. И ржавый волчий капкан, висящий на вбитом в стену загнутом гвозде.

Я же, пока разглядывал весь этот хлам, вспомнил все. В том числе и то, по какой причине тут оказался. Я ж тогда искренне, от души попросил Монумент вернуть меня в Чернобыльскую Зону. Что на меня нашло – не знаю. Может, навоевался с фашистами и на этой почве ностальгия пробила по своему времени и своей вселенной? А поскольку для меня опостылевшая Зона уже изрядное количество времени была от души ненавидимым домом, вот и попросился домой, так как

больше проситься некуда. Нет бы пожелал оказаться в Париже, например, – так нет, Зону ему подавай.[3 - Об этих событиях можно прочитать в романе «Закон войны» литературной серии «СНАЙПЕР».]

Иногда я себя за такое очень не люблю. За эмоциональную мимолетность. Приспичит чушь какая-нибудь – все, хочу ее, прям не могу. А если вдуматься, нафиг она мне не уперлась. Но в тот момент сильно загорелось – ну и вот. Получай свою хотелку в полном объеме. Правильно классик написал: «будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться». Вот и мое, похоже, сбылось… Только хорошо бы выяснить, в какой чертов угол Зоны отчуждения закинуло на этот раз.

Я с третьей попытки поднялся на ноги – слабость была такая, что прям хоть ложись и помирай. Но справился старым испытанным способом, а именно нажал болевую точку на сгибе локтя, коротко взвыл от такого самомассажа, но – помогло. Боль вообще сама по себе отличный стимулятор для того, чтобы заставить кого-либо сделать что-то, чего он делать не хочет.

И к себе самому это тоже относится. Куда вялость делась… Сразу энергии хоть отбавляй, особенно если нажать – и подержать. Организм тут же кучу разновсяких полезных веществ начинает вырабатывать, лишь бы от этой боли избавиться. Давно известно, что наше тело – как хитрая и ленивая лошадь, которая не желает работать ни в какую, пока ее как следует не пнешь.

Почувствовав нужный результат, я палец убрал, и, на ходу разминая враз отключившуюся руку, аккуратно подошел к дощатой двери. Прислушался…

Вроде тишина, только похоже, неподалеку кто-то тихонько рыдает-всхлипывает. Ну, мы такое не раз проходили, замануха известная. Особенно голодное квазимясо поплакать в кустах любит, а как пойдешь туда с чисто человеческим желанием помочь, так враз тебя две конечности-пики и проткнут насквозь. Причем так, чтоб ты не сразу окочурился, а в полной мере ощутил, каково это, когда тебя подтянет к себе мерзейшая с виду тварь и начнет жрать заживо…

Оружия у меня с собой не было никакого, кроме «Бритвы», наловчившейся жить внутри руки, словно в ножнах. Но я ее лишний раз доставать не люблю, слишком больно она из руки вылезает. А уж как обратно вползать начинает – это вообще труба, боль такая, что того и гляди вырубишься. Пиявка Газира, дрыхнувшая под

кожей другой руки, вообще не в счет – по ходу, эта зараза в настоящего паразита превратилась. Раньше чуть что на помощь приходила, а сейчас хрен ее добудишься, даже когда смерть в затылок дышит.

Потому я прихватил вилы с присохшим к ним навозом, тихонько открыл дверь и вышел из сарая.

Как и ожидалось, я был в чернобыльском селе, из которого в далеком восемьдесят шестом эвакуировали всех жителей. Много их в Зоне, этих пустых сел с потихоньку разваливающимися домами, местами по самые окна вросшими в зараженную землю…

Однако порой случалось такое, что некоторые люди ухитрялись возвращаться к себе домой. Правдами и неправдами пробирались через охраняемый кордон и продолжали жить как жили. В нищете, питаясь с огорода и потихоньку занимаясь собирательством дешевых артефактов, которые сбывали торговцам Зоны. Сталкерством это не являлось, так, выживание, не более. Вооруженные группировки так называемых «вернувшихся» не обижали. Ущерба с этих пугливых людей никакого, дохода – тоже. «Вернувшиеся» принципиально не брали дорогие арты, даже если находили. Понимали: поднимешь такое – считай, ты труп, любой ловец удачи легко замочит нищего бедолагу за ценный приз.

А вот польза от них всем была. Ранили неподалеку от села – «вернувшиеся» подберут и постараются выходить в надежде на благодарность в виде пары «деревянных» рублей. Еду у них опять же можно купить недорого – или отнять, если совести совсем нет. Но такое случалось редко. В любой группировке беспредельщика сами же сотоварищи за такое прикладами запросто отхреначат до кровавых соплей. Ибо нефиг притеснять безобидных и полезных жителей Зоны.

Кстати, что интересно, – мутанты «вернувшихся» не трогали. Похоже, за своих считали. Почему – непонятно, но факт. Бывало, чешешь по Зоне, глядь, какой-то чудик в обносках, а рядом с ним квазимясо или даже ктулху. Идут себе по своим делам параллельными курсами, друг на друга внимания не обращая. Редкое зрелище, но я пару раз такое видел.

Дома «вернувшихся» можно было легко отличить от заброшенных. Целые стекла, запертые двери, огород, прикрытый пленкой, защищающей хилую

поросль от слабокислотных дождей, постиранное тряпье, развешенное на веревках. Некоторые из них, кто посмелее, даже скотину заводили. Как, например, те, в чьем дворе я материализовался после того, как сдуру высказал Монументу свое желание.

Рядом с сараем стоял еще один, побольше. Судя по вони, разносящейся от него, то ли свинарник, то ли коровник. А подальше – изба с некоторыми признаками того, что в ней кто-то живет. Даже наличники покрашены зеленой армейской краской, купленной или выменянной у охраны кордона. И, собственно, из этой избы и слышались глухие рыдания, будто кто-то ревет в подушку.

Не похоже это было на мутантскую засаду. Для верности я заглянул в соседний сарай, благо дверь была заперта лишь на крючок. Ага. Две тощие свиньи в одном углу дрыхнут, в другом, утонув копытами в навозе, стоит не менее дистрофичная корова с большими, печальными глазами. Ясно.

Вилы я прислонил к стене и направился в избу – надо ж разузнать, куда меня на этот раз черти занесли.

Дверь оказалась незапертой. Я вошел тихонько – и наткнулся на испуганный взгляд пожилой женщины, вжавшейся в угол старой советской кровати. Лицо красное, глаза заплаканные, вцепилась в мокрую от слез подушку и трясется от страха. Видать, меня услышала и наверняка приняла за того, кто ее до слез довел.

– Не бойся, не трону, – сказал я, показывая пустые ладони. – Я по делу.

Проморгалась, вытерла глаза, вроде трясти ее поменьше стало – поняла, что я не убивать и не грабить пришел.

– Какие дела тебе нужны? – проговорила тихим голосом, готовым вновь сорваться на рыдания. – Они все забрали, нет ничего. Ни еды, ни денег. Ни сына. Они его с собой увели, понимаешь? Сыночка моего…

Чувствуя, что тетка сейчас вновь начнет лить слезы и причитать, я ее перебил нарочито грубовато – в таких случаях надо не утешать, а говорить твердо и слегка повысив голос, как тот, кто умеет решать любые проблемы:

– Погоди реветь. Кто забрал и куда увел?

– Бандиты, – всхлипнула тетка. – Пришли, говорят, не обессудь, мать, налог с вас собираем. И ржут. Сожрали и выпили все, что в доме было, а потом Васеньку моего связали и с собой забрали на затон.

– На затон?

Я решил, что ослышался.

В это гиблое место ни один нормальный сталкер не сунется. Фон там такой, что мама не горюй, плюс вокруг болота да куча могильников с радиоактивными отходами. Сгинешь ни за хвост крысособачий. И мутанты шатаются по тем местам в неслабом количестве, как и в любой локации Зоны, где повышен радиационный фон. Есть теория, что они от него заряжаются энергией, как аккумуляторы от источника питания.

– Туда, – кивнула женщина.

И рассказала о странном выбросе, после которого сталкеры по всей Зоне как с ума посходили. Ну да, как же, считай, целый клондайк артефактов лежит под носом, как тут крышу на месте удержать, которую срывает напрочь от жадности?

– Они не только Васеньку забрали, – продолжала причитать несчастная мать. – Еще двое таких же подневольных с ними были, из наших. Молодые, руки связаны, плачут…

Тут до меня кое-что стало доходить…

Если в затоне обнаружились дорогие арты, но путь к ним перекрыт высоким радиационным фоном, то как их оттуда достать, не загнувшись при этом самому?

Правильно. «Отмычками». Просто и безопасно. Направил автомат на жертву, объяснил два простых варианта ее дальнейшей судьбы – и пошел смертник таскать из огня каштаны для чужого дяди. Зная, какой фон на затоне, может,

ходки на три «отмычки» и хватит – до того, как она начнет разлагаться заживо…

Надо сказать, услышанное меня не на шутку взбесило. Мне и до этого не нравилось, когда какого-нибудь неопытного «зеленого» ушлепка вперед посылают путь промерить собственной тушкой или арт из аномалии выдернуть. Но тут ничего не поделать, Зона есть Зона. Здесь свои правила для тех, кто по доброй воле перелез через кордон в поисках наживы. И если кроме жадности у человека ничего более нет за душой – ни мозгов, ни навыков выживания, только желание побыстрее разбогатеть, – то такому индивиду прямой путь в «отмычки». Даже принуждать не будут. Расскажут дебилу, какой он крутой и какая это честь идти впереди отряда – ну и двинет непутевый ловец удачи, куда скажут… до первой аномалии.

Здесь же было другое.

Когда безобидного и полезного персонажа Зоны силой загоняют в «отмычки», это беспредел даже по местным бандитским понятиям. За который следует показательно наказывать, чтоб другим неповадно было.

– Какая это деревня? – поинтересовался я.

– В смысле? – не поняла женщина.

– Вот эта твоя деревня как называется?

– Новошепеличи, как же иначе-то? – удивленно ответила «вернувшаяся». И, спохватившись, спросила:

– А ты-то откуда тут взялся? И форма у тебя странная, как из книги про войну прям. Недавно одну читала, там такую описывали.

– Оттуда и взялся, – невесело усмехнулся я. – Из книги про войну.

Было понятно, что сейчас вопросы посыплются – что да как, да откуда, да кто такой, потому я это дело пресек в зародыше, хлопнув ладонью по столу, сбитому из неровных досок.

– Короче, мать, верну я тебе сына – если он жив еще, конечно.

– Ох, милок, – тетка от неожиданности враз забыла, что хотела спросить. И засуетилась, забыв про слезы: – Ты ж, небось, есть хочешь? Это я сейчас, мигом.

И бросилась к громоздкому холодильнику, как и все подобные агрегаты в Зоне, переоборудованному под работу на дешевых «этаках» – пары маленьких, невзрачных артефактов вполне хватало на полгода устойчивого функционала массивной техники советской эпохи, после чего достаточно было лишь заменить выдохшиеся источники энергии внеземного происхождения на свежие.

Отказываться было неудобно, больно уж тетка воодушевилась после моих слов, но увидев, что она достает из холодильника, как-то перехотелось обедать. Я неестественно-розовое мутантово мясо, практически не меняющее цвет при жарке, узна`ю даже в мелко порезанном рагу с фиолетовой картошкой, посыпанном грязно-серой «зеленью». Не, мне подобное тоже кушать приходилось, но чем ближе к источникам радиации, тем цвет у такой пищи насыщеннее – а это, в судке, прям было как калейдоскоп. Неудивительно, что грабители-бандиты не позарились на такое кушанье.

А еще я глаза тетки наконец рассмотрел. Обычные, человеческие по форме, только радужка неестественно-желтая, как содержимое куриного яйца. У нормальных людей такой не бывает. Но, с другой стороны, кто из постоянно живущих в Зоне остается нормальным? Меняет она людей. Особенно быстро, если подобное рагу каждый день кушать.

Перехватив мой взгляд, тетка сразу все поняла. Поставила обратно чугунок со своей готовкой, закрыла холодильник, после чего с неженской силой отодрала две половицы и из схрона достала две банки советских консервов, густо намазанных солидолом. Знакомые банки. В такие после Отечественной войны тушенку закатывали для длительного хранения на случай нового нападения вероятного противника, а после на секретные склады тоннами загружали… где они и провалялись до развала СССР, а после об этих складах вообще забыли. Правда, потом вспомнили, после чего эти консервы появились везде, в том числе и в Зоне. Ну, это всяко лучше радиоактивного мяса – если что, кроме поноса ничего страшного не случится.

А жрать, кстати, хотелось. Не есть, а именно жрать! Во время войны, из которой меня выбросил сюда Монумент, нормально покушать удавалось урывками, а вот беготни было много. Так что на тушенку я набросился как оголодавший троглодит на мамонтятину.

К счастью, в СССР при производстве армейских консервов металла не жалели. Стенки толстые – еле вскрыл тупым ножом, протянутым теткой, – так что содержимое оказалось вполне пригодным к употреблению. Жира мало, мяса много – что еще надо для сталкерского счастья? Хозяйка вдобавок хлеба принесла – серого, немного пахнущего плесенью, но относительно свежего. Впрочем, другого в Зоне и не бывает. Интересно, кто его печет и из чего после того, как я Пекаря завалил? Или то не настоящий Пекарь был, а мутант, сожравший настоящего… Впрочем, о чем это я? Какая разница, откуда жратва, если тебе еще ко всему этому великолепию свежей воды принесли, а во вторую эмалированную кружку едко-зеленого самогона налили доверху?

Вода оказалась на редкость вкусной – может, потому, что в ней будто маленькие искры порой проскакивали? А самогон я отхлебнул, чтоб хозяйку не обидеть, но допивать не стал. Жестокое пойло, продрало от горла до желудка хуже чистого спирта. Но при этом в голову шибануло конкретно, но не пьяной дурью, а энергией – захотелось не поспать после сытной еды, а бежать куда-то, ломать что-то – неважно что, лишь бы кураж выплеснуть…

– А я так и поняла, что наш ты, – кивнула тетка. – Сначала засомневалась, когда ты рагу не захотел есть, теперь же уверена, что ты Васеньку вызволишь. Обычный хомо не смог бы, а ты сможешь.

– И как же ты это поняла? – поинтересовался я, отваливаясь от стола.

– По воде и самогону, – усмехнулась тетка. – Обычных хомо от них крючит, а тебе, полумутанту, в жилу пошло.

Сказала – и пошла в темный угол, откуда сразу же вернулась, неся в руках старую двустволку.

– Нехорошо на такое дело без оружия ходить, – произнесла она, протягивая мне практически антикварное ружье. – Так оно всяко сподручнее будет. У кого есть гладкий ствол, тот всегда себе нарезной добудет.

Я фразу оценил. Тетка была не так проста и безобидна, как казалась с виду, но это и понятно – по-другому слабому в Зоне и не выжить. Кто-то из головорезов ограбит безответную с виду жертву, развернется да пойдет себе искать другую поживу – тут ему из двустволки и прилетит в затылок прощальный привет крупной дробью. А потому что нечего на беззащитных нападать!

Помимо ружья желтоглазая принесла коробку с патронами двенадцатого калибра и ворох одежды, пованивающей сыростью и чужим по`том. Ну, я бродяга непривередливый и практичный, понимающий, что в Зоне выделяться из общего фона – значит привлекать лишнее внимание. Потому синее галифе офицера НКВД я сменил на толстые тренировочные штаны с пузырями на коленях, а гимнастерку со «шпалами» на толстовку с капюшоном. После чего глянул в треснутое, засиженное мухами зеркало – и хмыкнул. Типичный нищий сталкер-одиночка в трениках, заправленных в сапоги. Или же начинающий бандит, еще не разжившийся правильным шмотом и годной волыной. В целях маскировки – самое то, что нужно.

Еще тетка дала холщовый заплечный мешок, в который сунула полбуханки хлеба, три консервы и флягу с водой.

– Спасибо, мать, – кивнул я, закидывая ружье за плечо. Пора было выдвигаться.

– Тебе спасибо, что помочь вызвался, – всхлипнула тетка, вновь пустив слезу.

Понятное дело, не верила она в то, что у меня что-то получится. Но надеялась на чудо. На которое я и сам не особо рассчитывал, но знал, что сделаю все возможное.

А может, и невозможное тоже…

* * *

Эти места я знал не особо хорошо, но был в курсе, что если идти вдоль реки Припять, держа ее по левую руку, то рано или поздно выйдешь к затону. И в какую сторону двигаться, вопросов не было – ориентиром служили вышки стадиона «Авангард». Они маячили справа, над корявым, мутировавшим лесом,

за которым лежал город – тезка одноименной реки.

В город соваться точно не хотелось – еще свежи были воспоминания о том, как лихие бойцы группировки «Борг» заставляли меня драться на арене, а после пытались повесить. Ну и напутственное слово их генерала я хорошо запомнил, мол, лучше не попадайся нам больше, сталкер, если жить хочешь.

Не то чтобы я очень жить хотел, но смерть в петле меня точно не прельщала, потому я покруче забрал влево, шагая чуть ли не по берегу Припяти, что само по себе небезопасно – здесь порой катается всякое отребье на моторных лодках, стреляя во все, что движется по берегу. Но тут выбор был небольшой, и из двух зол я выбрал меньшее.

Пейзаж вокруг был довольно паскудный – впрочем, как и везде в Зоне. Слева катила свои отравленные воды река – серая, унылая и местами неоднородная. Встречались на ее поверхности ленивые водовороты, участки, покрытые мелкими пузырьками, либо просто пятна, напоминающие бензиновые. То есть речные аномалии. Опытные ловцы удачи на моторках обходили их стороной, а неопытных пиратов здесь давно уже не водилось по понятным причинам. Таких аномалии либо сразу растворяют в воде вместе с плавсредством, либо утаскивают на дно, где тоже растворяют, смакуя добычу. Хотя возможны варианты. Говорят, где-то над Припятью зависла объемная фигура сталкера на лодке, полностью состоящая из текучей воды. Должно быть, красивое зрелище, если, конечно, не брешут рассказчики.

Справа от меня простирался корявый лес, изуродованный радиацией и полностью лишенный листвы. Местами со стволов лохмотьями сползла кора, словно кожа с живого существа, обнажив растрескавшуюся, красноватую сердцевину. Жутковатое зрелище, если честно. Правда, подобное нечасто в Зоне встречается, только в местах, где радиация такая, что даже привычным ко всему деревьям-инвалидам приходится несладко.

Либо там, где аномальный фон зашкаливает.

Я и сам чувствовал, что что-то не так. Перед глазами поплыла красноватая пелена, словно я смотрел на мир через очки с цветными стеклами. И жарковато как-то стало, что для местной вечной осени вообще явление небывалое. Неужто так на меня теперь радиация действует? Помнится, возле Монумента я не по

своей воле пожелал, чтоб она на меня вообще не влияла и даже подпитывала. Может, дело и правда в этом, потому что от странного, неестественного тепла по телу разлились волны приятной бодрости. Усталость как рукой сняло – и я зашагал быстрее.

Правда, ушел недалеко.

Внезапно я осознал, что не могу оторвать ноги от земли, а вокруг сплошное болото. Камыши высокие, мох, на котором, словно капли крови, алеют ягоды клюквы. При этом видел я это все расплывчато, словно во сне. Картинка перед глазами то двоилась, то исчезала в красном мареве, то прояснялась ненадолго, слегка колыхаясь, будто нарисованная…

И в этом мороке я разглядел, что ко мне неспешно так, прямо через болото идет старый дед, одетый очень необычно. Простая холщовая рубаха, подпоясанная веревкой, на ногах штаны из того же материала и самые настоящие плетеные лапти. На голове драная шапка из тех, которые я только в учебнике истории видел, под шапкой кустистые брови, внимательные глаза, нос с широкими ноздрями, а все остальное закрывает густая седая борода чуть не до пояса. В правой руке дед держал длинную палку, по поводу которой у меня в голове медленно, словно дохлая рыба кверху брюхом, всплыло старинное слово «слега» – шест, которым, гуляя по болоту, полезно промеривать путь перед собой, чтобы ненароком не провалиться в топь по самую макушку.

– Здрав будь, мо`лодец, – проговорил бородач, подойдя поближе и сверля меня немигающим взглядом пронзительно-синих глаз. – Ты чей будешь?

Мир в кровавых оттенках по-прежнему плавал у меня перед глазами, потому я не сразу понял, о чем дед говорит. А когда сообразил, то не нашелся что ответить. Что значит чей? Я уж давным-давно свой собственный.

Дед же, устав ждать ответа, кивнул:

– Ну, нет охотки говорить, и не надо. И так вижу, что не поместных сын, а холоп незнамо чей. Но то не моего разумения дело. Тут вот какое лихо случилося. Внучка моя пошла на болото клюквы посбирать, да и пропала. Найтить бы непутевую, а у меня очи уж не те, что по молодости были. Подсоби мне, мил человек, у меня окромя нее и нету никого боле.

Говор и одежда старика были странными, но на это мой мозг, купающийся в розовом мареве, никак не отреагировал. Только сомнение возникло на тему, где ж шукать дивчину, когда окрест болото? Разве что в тех камышах пошурудить?

Где-то в уголке сознания вяло билась мысль, что я сейчас и думаю на каком-то древнеславянском наречии, но это биение словно толстым одеялом гасилось тем маревом, в котором я безвольно плавал, как пенопласт в проруби…

И я даже почти согласился помочь деду – ну как же иначе, – как вдруг ощутил острую боль в руке. Прям огнем зажгло внутри, я аж зашипел от неожиданности. И глаза опустил, чтоб глянуть, что там такое происходит. И увидел, как правая рука горит синевой от локтя до кисти и через кожу полыхает та синева цвета чистого неба – такая же, как глаза старика, просящего о помощи…

А он от такого зрелища отшатнулся, сделал шаг назад, потом еще один. Смотрю – и глаза у него потухли, обычными стали, стариковскими, водянистыми. И кровавое марево перед моими глазами вроде рассеиваться начало…

– Так ты из наших, – расстроенным голосом произнес дед. – Так бы и гутарил сразу, а то стоит как пень, слова из него не вытянешь…

Сказанное еще только осознавалось моим одурманенным мозгом, а старик уже и пропал куда-то, будто его и не было вовсе…

Я зажмурился до боли в веках, потряс головой. А когда открыл глаза, обнаружил, что стою не в болоте, а в тухлой прибрежной воде, затянутой фиолетово-зеленой ряской. Впереди раскинулось озеро довольно приличных размеров, но открытой воды в нем было мало. Его почти сплошь покрывала ряска ядовитых цветов, откуда торчали коряги, удивительно похожие на людей, скрюченных от адской боли. А может, это и были люди, из которых озеро высосало все соки, превратив в одеревеневшие мумии?

Но особо притягивала взгляд коряга, торчавшая из воды метрах в пятидесяти от берега. Покрытая каким-то белым налетом и очень похожая на старика с длинной палкой в руке, уходящего вдаль… Хотя, может, это у меня просто воображение разыгралось после пережитого – надышался ядовитых испарений, вот и померещилось черт-те чего. Чуть не утопился из-за собственных глюков,

спасибо «Бритве», которая, почувствовав, что хозяин с ума сходит, саморазогрелась у меня в руке и вернула к реальности.

Я выбрался из озера, мысленно благодаря того, кто изобрел сапоги, – чуть не по колено в воду влез, а стопы сухие.

Отряхнул ноги от налипшей тины, огляделся – и увидел ржавый щит, приваренный к двум трубам, торчащим из земли. На щите была надпись на украинском языке, полустертая, но еще читаемая: «Озеро Семіходський старий. Увага! Рівень радіації небезпечний для життя!»

Предупреждение об уровне радиации, опасном для жизни, меня не особо заинтересовало – таких мест на зараженных землях везде навалом, да и вообще пребывание в Зоне здоровья не добавляет. Интересно было, что гнилое озеро называется Семиходский старик. И почему оно носит такое название, спросить уже не у кого. Конечно, не исключено, что это озеро является старым руслом реки, которые в народе называют старицами. Но тогда б логично было назвать его Семиходская старица. Потому, похоже, дело в другом…

Может, когда-то водоем был болотом, до того, как его наполнили воды Припяти, и в том болоте сгинул несчастный дед, разыскивая свою пропавшую внучку. А потом эти места стали частью Зоны, а озеро – огромной аномалией, которой, как и любой другой аномалии, нужна свежая кровь. И чего ей стоит поднять со дна старые кости и дать им новую жизнь?

Конечно, все это мои домыслы, но, как бы там ни было, от Семиходского старика надо держаться подальше. Что я и сделал, обогнув его слева, – и увидел дорогу между ним и берегом Припяти. Вполне себе взрослую асфальтированную дорогу, местами раскрошившуюся от кислотных дождей и взломанную растениями-мутантами, способными пробить даже асфальт.

То, что заболоченное озеро называется Семиходский старик, я подзабыл, а про эту дорогу помнил. Самый длинный проспект города Припять тянулся аж до одноименной реки. Зачем он такой нужен был – понятия не имею. Может, чтоб герои-атомщики после рабочего дня могли с комфортом прогуляться до пляжа и обратно? Вполне вероятно. Город строили с размахом, стараясь, чтоб работникам Чернобыльской атомной электростанции и их семьям в Припяти жилось комфортно.

Ну вот и я с комфортом отправился по дороге вдоль берега реки, изрядно заросшего высокой травой, которой отравленная вода явно шла на пользу. Шагни в сторону, на обочину – и уже одна голова торчит над морем сочных, пепельно-серых зарослей…

Что мне, кстати, в скором времени очень пригодилось.

По мере моего продвижения вперед вдали начала вырисовываться верхушка металлической опоры линии электропередачи. Остальные то ли проржавели и развалились, то ли борги, оккупировавшие север Припяти, для своих нужд растащили их на фрагменты, – а эта почему-то осталась.

И вскоре я понял почему.

Когда до опоры осталось метров двести, я услышал впереди голоса, и, сойдя с дороги, дальше шел крадучись через травяное море. В Зоне всегда лучше оставаться незаметным до тех пор, пока не придет время показать себя. В противном случае те, кто обнаружит тебя, могут решить, что ты в Зоне лишний и что твоя снаряга им наверняка пригодится.

Ветер с реки, заставляющий шуршать высокую траву, позволил мне передвигаться довольно быстро, не боясь выдать себя звуком шагов. Поэтому через несколько минут я сквозь мясистые серые стебли отчетливо разглядел, что происходит возле опоры ЛЭП.

В целом, ничего интересного там не было. Трое типов в типичной бандитской униформе собирались вешать четвертого, связанного по рукам и ногам. Явление, кстати, для Зоны вполне обычное. Любая группировка не любит, когда на ее территорию забредают чужие, потому для непрошеных гостей в качестве акта устрашения виселица подходит как нельзя лучше. Дешево, быстро – и жутко, особенно для отчаянного молодняка, проникшего в Зону с целью легкой наживы. Полуразложившийся труп, болтающийся на ветке дерева или на такой вот опоре ЛЭП с табличкой на груди «Я украл имущество группировки такой-то», мигом отбивает у зеленых «отмычек» охоту посягать на это имущество. Понятное дело, что ветеранам Зоны эдакие предупреждающие знаки по фигу, но бывалый сталкер и не полезет туда, куда лезть не стоит.

Трое бандитов, кстати, выглядели бывалыми. На двоих дорогие фабричные кожаные куртки с капюшонами и вшитыми под подкладкой мягкими бронеэлементами, которые отлично держат выстрел из «макарова» и «стечкина», а также очереди из компактных автоматов, стреляющих пистолетными пулями. Штаны тоже кожаные, мотоциклетные, с защитой коленей и голеней. Берцы американские. На головах под капюшонами – балаклавы и фильтрующие маски. За спиной – «калаши» с обвесом: коллиматоры, тактические рукояти, телескопические приклады. У третьего все то же самое, только вместо куртки – дорогущий кожаный плащ, у которого мягкая броня и «семеру» с пятидесяти метров удержит. Прямо скажем, такая снаряга в Зоне непросто зарабатывается. И, судя по тому, что она была не обтертая, совершенно новая, удача бандитам улыбнулась совсем недавно.

Приговоренный же был совершенно голым и трясся, думаю, не столько от страха, сколько от холода. Чего бояться-то, когда ясно, что минут через несколько тебе уже все будет по барабану? Хотя, может, я и не прав – это я так рассуждаю, а большинство людей почему-то страшатся смерти. Странно, какой смысл бояться неизбежного: раньше, позже – какая разница?

Между тем бандиты не спешили. Перебросили длинную веревку через ржавую перекладину, накинули петлю на шею несчастного, затянули, привязали второй конец на «бантик» к опоре – и стоят, языками чешут, поглядывая, как трясется связанный, ожидая своей участи.

– Ну чо, кто тянуть будет? – лениво проговорил тот, что в плаще, – судя по тону и одежде, старший в троице.

– Не я, – коротко мотнул головой тот, что повыше. – Сегодня не моя очередь, я позавчера тянул. Пусть Хипеж жмура делает.

– А чо я? – взвился бандит с длинной шеей, которого назвали Хипежем. – Я чо вам, нанятый ишачить за троих? В падлу всем вместе в три хари веревку дернуть?

– Так без интересу, – пожал плечами старший. – Когда один медленно тянет, пациент долго концы отдает, сокращается, под себя хезает. Интересно. А втроем дернули, кто-то силы не рассчитал, терпила ластами хлопнул – и конец концерта.

– Ты, Бизон, вконец берега попутал, – довольно мерзким голосом заверещал Хипеж, явно не случайно получивший свое погоняло. – Ты что, по ходу, клоуна во мне увидел?

Я затосковал…

Бандиты явно не торопились и были настроены на долгую развлекуху. А мне надо к затону выбираться – коль впрягся, слово дал, значит, надо выполнять. Обойти палачей стороной нереально – высокая растительность была только вдоль берега, а опора ЛЭП как раз на берегу и стояла. Пойду так же, как шел, скрываясь в траве, бандиты меня по-любому заметят – не слепые же не увидеть человека, крадущегося в двух метрах от них… Вернуться и дать существенного крюка тоже не выход – маршрут пойдет либо по границе города Припять, где мне совершенно не улыбается встретиться с борговскими патрулями, либо заведет прямиком в пункт временной локализации радиоактивных отходов «Песчаное плато» – вон к опоре фанерка прибита с названием этого ПВЛРО и грубо намалеванной стрелкой, указывающей, в какой стороне оно находится.

Оставалось два варианта: либо ждать, пока бандиты наконец закончат выяснять, кто сегодня у них будет палачом, либо одно из двух…

Вообще-то в чужие дела в Зоне лезть не принято. Решили люди кого-то казнить – это дело только их и группировки приговоренного, которой положено впрягаться за своих, если те, конечно, не напороли фатальных косяков. Ринешься спасать несчастного, а потом окажется, что не несчастный он вовсе, а урод конченый, которого постановили прищучить за дело. И кто ты окажешься в результате? Правильно, круглый дурак, который вдобавок нажил себе кучу врагов.

Но в данном случае у меня тупо выхода не было. Ждать до ночи, отсиживаясь в кустах, муторно и холодно: я уже немного задубел, слушая, как бандюки языками чешут. Потому просто вышел из своего укрытия и пошел себе по шоссе как ни в чем не бывало.

Завидев меня, бандиты немедленно сдернули с плеч автоматы и направили их в мою сторону. На что я удивленно поднял брови вместе с руками, показав пустые ладони и даже не думая сдергивать с плеча ружье.

– Полегче, братва, – сказал я. – Вконец, что ль, края потеряли, своего мочить?

– А что ты за свой, хрен с горы? – поинтересовался старший. – Я тебя не знаю.

– Не с горы, а со свалки, – добродушно усмехнулся я. – У Факира с его братом непонятка вышла, и потому сейчас вся свалка на ушах стоит. Рамсы тяжело качают, того и гляди валить друг друга начнут по беспределу. Ну а мне такой расклад на дух не уперся, потому я со свалки дернул, решил на затон податься. Слыхал, что у местной братвы какая-то пруха идет, может, под такие дела и меня в кодлу примут.

Бандиты переглянулись.

– Базаришь гладко, как по писаному, – хмыкнув, проговорил Хипеж. – Послушать, как по фене чешешь, так прям положенец или целый законник к нам пожаловал. Но что-то шмот у тебя жидковат для бывалого, и ствол галимый. Не бьется картинка с твоей мастью, брателло.

Тут он был прав – с бандитским жаргоном я переборщил, да и с историей тоже – уход из банды всегда карается смертью, и бандитам затона нафиг не нужен беглец из другой группировки, ибо зачем им лишние проблемы? В общем, экспромт не удался, так что пришлось давить голосом и нахрапом.

– А ты, брателло, по ходу сам у кордонных за законника? – надвинулся я на Хипежа, грозно рыча ему в лицо. – Масть держишь, края разводишь, фаворишь, кто шестерка, а кто положенец?

Бандит осекся, невольно опустив ствол, сделал шаг назад…

Понятное дело, победа была секундная. Сейчас работники ножа и топора осознают ситуацию и, задав пару наводящих вопросов, на которые я не смогу ответить, быстро поймут, что на самом деле я не тот, за кого себя выдаю…

Но мне нужна была эта секунда для того, чтобы сделать широкий шаг вбок, дабы Хипеж оказался между мной и остальными бандитами…

Ну а остальное – дело техники.

На самом деле убить человека голыми руками довольно просто, если знать, как это делается.

Я – знал. И нанес Хипежу под подбородок сильный прямой удар, вложив в него массу всего тела. Можно, конечно, и согнутыми пальцами, восточные мастера так и делают. Но кулаком надежнее.

Длинная шея бандита сослужила ему плохую службу. Удар пришелся точно туда, куда было намечено, и я почувствовал костяшками кулака хруст треснувшего кадыка и хрящей трахеи. Хипеж выронил автомат, захрипел, схватился за горло… и тут же затрясся как паралитик, потому что в спину ему ударили пули.

Бандиты народ практичный – если надо уничтожить врага, они его уничтожают, несмотря на то, что между ними и врагом находится свой… Пули товарищей бросили на меня Хипежа, который немедленно блеванул мне кровью на толстовку, но это были мелочи.

Я подхватил бандита подмышки и держал как живой щит, пока его сотоварищи по группировке опустошали магазины своих автоматов. Конечно, бронекуртка не удержала пули калибра 5?45, выпущенные фактически в упор. Но их задержало тело Хипежа и обратная сторона его куртки. Я прям грудью и животом ощущал, как они сильно толкаются в нее – и останавливаются, не в силах пробить броню изнутри…

А потом у обоих бандитов кончились патроны…

Опытные бойцы меняют магазин АК за три с половиной секунды. Выдернул полный из подсумка, им же нажал на защелку, им же вышиб из шахты пустой, вставил, дослал патрон – и понеслось.

Но в скоростном бою за эти самые три с половиной секунды вполне реально отбросить от себя изрешеченное пулями тело, резким движением перевести ружье из положения «за плечом» в боевое, одним движением взвести курки и выстрелить.

Дважды…

На близком расстоянии гладкоствольное оружие обладает страшной разрушительной силой – оба бандита, так и не успевшие воспользоваться своим свежеперезаряженным оружием, рухнули на землю как подкошенные.

Я выдохнул, крутанул плечами, качнул головой вправо-влево, разминая мигом затекшую шею: все-таки нелегкое это дело – держать на весу крупного мужика, по которому молотят очередями, и при этом самому не упасть – потом сделал три шага вперед, глянул на трупы… и поморщился.

Ружейные патроны были снаряжены крупной дробью, потому сейчас лица бандитов напоминали третьесортный фарш, из которого торчали обломки лицевых костей. Неприятное зрелище. Но, как бы там ни было, я жив, а три человека, желавшие меня убить, мертвы, так что я снова обыграл бывшую Сестру, которая ждет не дождется меня в своих мрачных чертогах.

А еще мне в наследство достался существенный хабар, которым надо было распорядиться по уму.

С точки зрения защиты плащ, конечно, практичнее. Но короткая бронекуртка была легче чуть ли не вдвое, что давало существенный плюс к маневренности. Штаны с усилением тоже были гораздо удобнее и полезнее в бою, чем треники. Ну и сапоги мои, чего греха таить, успели поизноситься, того и гляди подошвы начнут отваливаться. Про преимущества нового тюнингованного «калаша» перед пожилой двустволкой можно даже не говорить.

Я бросил взгляд на пленника. Нормально. Стоит, дышит, лицо не синее, значит, не сильно его бандиты придушили. Конечно, по меркам Большой земли следовало, наверное, его освободить, а потом уж заняться экипировкой, но тут – Зона. Был бы связанный моим другом или хотя бы хорошим знакомым, тогда одно дело. Но я его первый раз видел. Стало быть, дело совсем другое.

Поэтому я сначала полностью раздел мертвых бандитов, порадовавшись тому, что у них и под куртками все в порядке – тактические рубашки со множеством карманов, штатовское термобелье, толстые импортные носки с усиленными носками и пятками…

В общем, переоделся я целиком, выбирая то, что меньше всего запачкано кровью, после чего придирчиво выбрал один автомат из трех. Потом проверил

магазины с патронами, на пояс подвесил кобуру с пистолетом Макарова и очень, на мой взгляд, годный российский кинжал «Шайтан» – в меру тяжелый, маневренный, похожий на короткий меч, которым крайне удобно орудовать как на средней, так и на короткой дистанции.

Запасов с собой бандиты почти не взяли, только фляги с водой и калорийные белковые батончики, каждый из которых в Зоне стоил как две банки тушенки. Батончики те я, само собой, выгреб все, бросив подаренный теткой мешок с увесистым продуктовым запасом. При наличии такой подпитки, легкой и калорийной, лучше побольше полных магазинов распихать по карманам штанов и куртки, специально для этого предназначенным, чем таскать на себе лишний груз.

Экипировавшись таким образом, я в довершение всего натянул на лицо трофейную балаклаву, и, подойдя к пленнику, перерезал «Шайтаном» веревку на шее и путы, стягивающие руки и ноги.

– Оставшийся шмот и оружие можешь взять себе, – сказал я парню, с гримасой боли растирающему запястья. – Не благодари.

И пошел своей дорогой к затону.

Можно было, конечно, не строить из себя благодетеля и загнать лишний хабар какому-нибудь торговцу, но барыга из меня так себе, так что если нет талантов к этому делу, то нечего и связываться.

Да, разумеется, сейчас я сделал совершенно незнакомому парню два королевских подарка – жизнь и полное снаряжение. При том, что жизнь в Зоне не стоит ничего, в отличие от годного шмота и оружия, за второй презент он должен был быть мне крайне благодарен. В один комплект оденется, другой продаст. Эх, кто б мне хоть раз в жизни такой подарок отвалил, когда я оказывался в подобном положении?

И тут я затылком почувствовал неприятную щекотку. Такое случается лишь в одном случае – когда кто-то выстраивает линию выстрела между стволом и моей тушкой. Проще говоря, целится. Вот ведь, блин…

Я резко развернулся, уходя в положение для стрельбы с колена, но все же пуля рванула капюшон куртки, сбив его с моей головы. Да, это стрелял тот висельник, которого я только что освободил. Даже не одевшись, схватил автомат и шмальнул мне в затылок. Грустно…

Я нажал на спуск, и парень, выронив автомат, грохнулся спиной в лужу кровищи, что натекла из головы ближайшего бандита. По идее, можно было уходить, но мне стало интересно.

Поднявшись с колена, я подошел к тому, кого только что спас от неминуемой смерти.

Он лежал и равнодушно смотрел на меня, как баран, к которому фермер направляется с ножом, готовясь перерезать горло. Пуля попала в печень, а это значило, что умирать парню придется долго и мучительно. В Зоне госпиталей нет, а без него висельнику точно кранты.

– Зачем? – спросил я.

Раненый хмыкнул.

– Потому что мог.

– Хороший ответ, – кивнул я. – И все же почему?

– Тебе это на хрена?

– Любопытно, – пожал я плечами. – Хочу понять, что в голове у людей, которые пытаются убить того, кто их только что спас.

– Дурак ты, – снова усмехнулся парень. – И сволочь. Я там стоял, мерз, дышал через раз, а ты переодевался, мля. Шмот мерил, хавчик по карманам ныкал…

– Все равно не понимаю, – покачал я головой. – Ты мне кто, чтоб я о твоем благе переживал? Плюс я тебе кучу всего оставил…

– А батончики унес, не поделился, – слабеющим голосом произнес он – по ходу, ранение оказалось проникающим, и из парня натекла уже неслабая лужа крови. – И самое лучшее себе забрал… гад…

Что ж, теперь все встало на свои места.

Есть категория людей, которые считают, что им все должны. Согласно мировоззрению этого ушлепка я, убив бандитов, должен был броситься к нему, немедленно освободить, позволить выбрать лучший хабар – а может, и разрешить забрать все, у меня ж и одежда была, и двустволка, зачем мне еще что-то?

И осуждать его за это глупо. Такова картина мира этого типа, которая его полностью устраивала. Правда, за подобные взгляды на жизнь, бывает, вешают. Или оставляют лежать на холодной земле, позволив умирать долго и больно, что однозначно хуже повешения, при котором смерть приходит гораздо быстрее…

Но я человек по сути своей добрый и душевный, потому просто нажал на спуск.

Голова парня, пробитая пулей, дернулась. Он умер мгновенно, но при этом глумливая ухмылочка так и застыла навечно на его лице. Мол, лох ты, мужик. Столько лет прожил, да так и не понял простой истины – помогая людям, всегда нужно ждать потом от них выстрела в спину. Исключения, конечно, случаются – но это лишь редкие исключения из общего закона, который действует не только в Зоне, но и на Большой земле.

* * *

Я ушел вперед, оставив позади четыре трупа и грустные мысли о несправедливости и человеческой подлости, которую сами люди считают не подлостью, а единственно правильным способом жить на этом свете. Давно известно, что Зона сама рассудит, кто «отмычка», кто шакал, а кто легенда Зоны – а нам, сталкерам, судить кого-либо некогда. На зараженных землях долго философствовать не получается – надо или стрелять, или готовиться к стрельбе, или скрываться от тех, кто может выстрелить в тебя.

Чем я, собственно, сейчас и занимался.

От опоры ЛЭП, оставшейся за моей спиной, до затона было около километра. Вернее, до дамбы, отделявшей затон от реки Припять.

Любой опытный сталкер знает историю возникновения локации, называемой затоном. После аварии на Чернобыльской атомной электростанции в воздух были выброшены миллионы радиоактивных микрочастиц, которые смертоносной пленкой осели на поверхности близлежащих водоемов. А самым близким к Четвертому энергоблоку крупным водоемом был затон – заполненное водой старое русло реки Припять, превратившееся в проточное озеро. И в восемьдесят шестом году после страшной аварии оно стало серьезной угрозой еще одной экологической катастрофы – река, имея водное сообщение с затоном, разнесла бы опасную заразу на тысячи километров, отравив радионуклидами и Днепр, и Киевское водохранилище, которое из-за его размеров нередко называют Киевским морем.

Поэтому в восемьдесят шестом году ликвидаторами последствий Чернобыльской аварии была в срочном порядке возведена дамба, отделившая зараженный затон от реки Припять, превратив его в жидкий могильник радиоактивных частиц, с течением времени медленно осевших на дно. А где один могильник, там и три – на правом и левом берегу затона были оборудованы ПВЛРО «Песчаное плато» и ПЗРО «Подлесный», соседствующие с гиблыми болотами, через которые затон медленно, но верно подпитывался зараженными водами из двух соседних могильников. Короче, страшное место, в которое ни один нормальный сталкер не сунется.[4 - Исторический факт.]

А вот «мусорщики» – запросто!

Ветераны-сталкеры, добравшиеся до этих мест, не раз замечали, как над затоном кружат «галоши» пришельцев из иномирья. И зачем они это делали – понятно. Сбрасывали в зараженную воду отходы производства своего мира, которые мы здесь зовем артефактами.

И ежу было ясно – на дне лежат россыпи нетронутых артов нереальной стоимости. Однако никто в здравом уме не нырял за ними в воду, по ночам мерцающую мягким светом цвета чистого неба. Это ж все равно что самого себя приговорить к мучительной смерти. Даже рядом прогуливаться не стоило – когда счетчик Гейгера трещит как ненормальный, лучше от таких мест держаться подальше, а вблизи затона он просто с ума сходил. И даже частенько

выходил из строя.

Но сейчас в затоне воды больше не было – лишь толстый слой светящегося ила. Дамба теперь лишь сдерживала воды Припяти, готовые хлынуть в колоссальную яму. Значительная, кстати, дамба – длиной около ста тридцати метров, высотой на отдельных участках до восьми. А на ней – виселицы через каждые пять метров, на которых болтались мертвые тела. Не на всех, правда, примерно треть виселиц пустовало, как бы намекая на участь тех, кто ослушается новых хозяев затона.

А те хозяева обставились капитально. Окружили могильник двумя рядами колючей проволоки, меж которыми прохаживались вооруженные патрули. Соорудили из досок вышки, на которых торчали наблюдатели. И неподалеку от дамбы что-то вроде концлагеря сделали – пара наскоро сколоченных длинных бараков, тоже обнесенных проволокой, а рядом палаточный городок для правильных пацанов, организовавших правильный бизнес.

За всем этим я наблюдал в трофейный бинокль из-за горы больших, длинных и ржавых металлических труб, валявшихся метрах в четырехстах от ближайшей вышки. В принципе, с моим зрением на таком расстоянии можно было и без бинокля обойтись, но было интересно, что творится и на другом берегу затона. Однако здесь мне бинокль слабо помог – над громадной ямой колыхался зловещий красноватый плотный туман, в котором двигались тени, похожие на силуэты живых существ…

Я опустил бинокль. Рассматривать больше нечего, надо решать, что делать. Очевидно, что сын желтоглазой тетки по имени Василий находится в одном из бараков. И как его оттуда выковыривать? Я насчитал как минимум три десятка отлично вооруженных бандитов, шатающихся возле затона, так что незамеченным к баракам пробраться не выйдет. И ночи ждать бесполезно – на вышках помимо наблюдателей я заметил мощные прожекторы. Что и говорить, бандиты обставились серьезно. Небось, достали со дна с десяток редких артов, продали, разжились всем необходимым и сейчас поставили добычу артефактов на поток.

А именно: на берегу затона в сварном станке была установлена катушка с намотанным на нее длинным шнуром. К катушке бандиты подвели мощный дизельный двигатель – видимо, для того, чтобы выдергивать из могильника тех рабов, кто там потерял последние силы и больше не мог двигаться. Сейчас,

кстати, что-то подобное и происходило. Я вновь поднял бинокль к глазам, чтобы получше рассмотреть процесс.

К установке подошли двое в тяжелых экзоскелетах, ведя одного, одетого как большинство сталкеров-одиночек, которым не особенно повезло в жизни: толстовка с капюшоном, спортивные штаны, дешевые кроссовки…

Эти двое в экзо сноровисто упаковали одиночку в переплетение ремней, прикрепленное к шнуру, – и тот понуро пошел в туман, поднимающийся над затоном. Либо пообещали что-то парню, например свободу в случае удачного поиска, либо же у него просто другого выхода не было – или принесешь дорогой артефакт, или пулю в затылок.

Установка заработала на малых оборотах, разматывая шнур, при этом один в экзо посмотрел на свое предплечье. Не, не время засекал, это точно. Знаю я эти тяжелые экзоскелеты, созданные для работы в областях с повышенной радиацией. Там у них в предплечье встроен годный дозиметр, который показывает не только уровень излучения, но и степень его опасности для организма, запакованного в дорогую броню. Общеизвестно, что полученная доза радиации прямо пропорциональна времени, проведенному в зоне действия излучения. То есть тот упырь в экзо о своем здоровье заботился, контролировал, чтоб лишних минут не постоять возле смертоносного источника излучения. А что сталкер без всякой защиты сейчас идет по дну затона, фонящему как реактор, – на это уродам наплевать. Главное, чтоб охота была удачной.

И удача им улыбнулась – я давно заметил, что сволочам и подонкам вообще везет нереально, в отличие от порядочных людей. Шнур дернулся раз, другой – и упырь включил установку на обратную тягу, которая буквально выдернула одиночку из затона…

Смотреть на сталкера было жутковато даже в бинокль.

Лицо и руки парня были темно-красными, и с них местами клочьями свисала отвалившаяся кожа. Но в правой руке он держал артефакт, светящийся зеленоватым светом. Что за арт, мне было не видно, но уже по свету, идущему от него, стало ясно – парень вынес со дна затона очень редкий и ценный хабар. Правда, удачливый охотник сам ходить уже не мог. Его ноги подкосились, и он упал на колени, протягивая находку своим мучителям. Я даже улыбку на его

изуродованном лице успел заметить – нате, мол, твари, подавитесь! Я честно заработал свою свободу!

На что один из бандитов забрал артефакт, сунул его в контейнер на поясе, после чего достал пистолет из кобуры и выстрелил одиночке в голову. Хотел свободы? Получай, вот тебе она. Вечная. Свобода от всего сразу, раз и навсегда…

Потом эти двое взяли мертвое тело за руки, за ноги, раскачали – и выбросили в затон. После чего посмотрели на свои предплечья и очень быстро свалили в сторону палаточного городка.

Понятно. Сделали дело, выловили дорогой арт, теперь можно и обратно: специальный экзоскелет – это, конечно, хорошая защита, но и в ней лучше использовать защиту временем, стараясь держаться подальше от слишком уж активных источников радиации.

Ну а мне нужно было понять, как добраться до бараков, выудить оттуда Василия и с ним вернуться в Новошепеличи. Непростой квест, если честно, с учетом вышек, заграждений из колючей проволоки и количества очень неслабо экипированных бандитов, которые весьма бдительно следили за источником своего благосостояния.

Я целый час голову ломал, изучая окрестности и отметая один вариант за другим. Ночью – никак, прожекторов на вышках несколько, и к самим вышкам незаметно не подобраться, подступы к ним бандиты тоже заботливо укутали в проволоку. На прорыв пойти? Глупо. Проще сразу застрелиться, беготни будет меньше – с огневой мощью у бандюков было все в порядке, с заграждениями – тем более. Расстреляют терминатора еще на подходе, даже до первой линии защиты не добегу.

Надо отдать должное бандитам, они все сделали грамотно. По ходу, их хороший военный специалист консультировал – фиг знает, где они такого в Зоне нашли. Хотя были бы деньги – найдется любой спец, только плати.

Так ничего путного и не придумав, я из двух вариантов – разумного и не очень – выбрал второй. А именно: вместо того, чтобы признать невозможным спасение неведомого Васи и уйти подальше от опасного места, вышел из-за труб и неспешной походкой направился к лагерю бандитов.

Уверен, что сейчас же моя фигура легла на сетку нескольких оптических прицелов. Конечно, имелась вероятность, что меня прям сейчас и пристрелят. Но в то же время валить одинокого человека, который совершенно спокойно идет к лагерю, как-то тупо. Грохнуть его всегда успеется. А так мало ли чего ему надо, вдруг полезным окажется.

До ворот, сваренных из стальных полос, оставалось метров сто, когда их створки распахнулись и навстречу мне вышли трое. Один в плаще и маске, двое в таких же, как у меня, бронекуртках, с автоматами, стволы которых недвусмысленно были направлены мне в лицо.

– И кто это к нам колеса катит? – ехидно осведомился тот, кто был в плаще.

– Человек прохожий, обшит кожей, – не особо вежливо отозвался я. – А ты с какой целью интересуешься?

– Ишь ты, разговорчивый, – хмыкнул бандит. – И какой же ты масти будешь, человек прохожий?

– Козырной, да не красной, той, что тузом бить опасно.

Бандиты переглянулись. Не ожидали подобного от того, кому два ствола в лоб смотрят. Я знал – в их среде особо уважают «духовитых», тех, кому море по колено и для кого бесстрашие и удаль бандитская сначала, а все остальное потом.

– По ходу, наш брателло, – буркнул один из автоматчиков.

– Глохни, Боцман, – раздраженно бросил тот, что в плаще. – Тебе в каждом мутном черте брателло мерещится.

– А за черта ответишь? – равнодушным голосом поинтересовался я.

– Не вкурил, – набычился бандит. – Это ты сейчас в мою почту прогнал?

– В твою, фетюк, в твою, – отозвался я. – Языком парафинить свою бабушку будешь, а в Зоне за гнилой базар ответку держать придется.

Конечно, я сильно рисковал. Если этот в плаще серьезный авторитет, он просто кивнет своей пристяжи, и те вмиг разнесут мне голову из автоматов. Но с другой стороны, в этой среде нужно с ходу ставить себя жестко, иначе тут же гнуть начнут, как у них называется, «вбивать в плинтус». Потому самый лучший способ утвердиться среди бандитов – это «зарисовать абордаж», то есть с налета показать, кто ты есть на самом деле.

Вот этим я сейчас и занимался. Рискуя жизнью, «рисовал абордаж»…

И бандит в плаще на ту рисовку повелся. Я его оскорбил – его лично, не тех, кто держал меня на прицеле. Если насчет «мутного черта» это еще вопрос, в мой адрес были произнесены те слова или он говорил в общем и целом, то мое презрительное «фетюк» было адресным, не оставляющим сомнений, в чью «почту» я отправил это «обозначалово».

Спасать репутацию нужно было сейчас.

Немедленно.

Рука бандита метнулась к кобуре на поясе, но мои слова оказались быстрее.

– А по-босяцки на перьях порешать слабо?

Еле слышно щелкнула расстегнутая кобурная кнопка, но пистолет так и остался лежать на месте. По лицу ушлепка в плаще растеклась мерзкая ухмылка.

– За перья мечешь, утырок? Да ваще без базара.

Он неторопливо застегнул кобуру, скинул плащ на землю и быстрым движением достал из-за спины неслабый мачете, который висел у него в ножнах вниз рукоятью.

– Ну давай на перьях, – прошипел он. – Или сдрейфил?

И вертанул своей мачетиной в воздухе хитрую восьмерку – так, что клинка не видно было.

Понятно. Не просто так бандит таскал на себе увесистое оружие. По ходу, любимая игрушка, с которой он тренировался весьма усердно. Ладно.

Я под прицелом двух автоматов неторопливо положил на землю свой АК и «макаров», после чего вытащил из ножен «Шайтан» – кинжал хоть и приличных размеров, но сильно короче мачете бандита, которым он, красуясь, продолжал выписывать в воздухе замысловатые фигуры.

Это он, конечно, зря. Совершенно не нужно демонстрировать противнику свои умения вхолостую – гораздо эффективнее применять их неожиданно в бою. А так я довольно быстро срисовал технику владельца мачете и сделал свои выводы.

Бандита же мои неторопливые движения совершенно не впечатлили. Я «Шайтана» только-только достал, как мой противник ринулся вперед. Ну а чего ждать-то? Правило разборок на ножах простое что среди местных братков, что в Зоне вообще – извлек враг клинок из ножен, значит, можно того врага строгать как шаурму.

Но моя медлительность оказалась мнимой. Свистящий удар, в который бандит вложил всю свою силу, рассек то место, где я только что стоял, – я же, уйдя влево и вперед, успел чиркнуть лезвием кинжала по кисти бандита.

Вообще цель реального ножевого боя один на один – не зарезать противника, а покромсать его руку с ножом так, чтоб она тот нож больше держать не могла. А потом уже зарезать. С обезоруженным врагом это намного проще, чем с вооруженным.

Два пальца бандита упали на землю, но он, казалось, ранения не заметил. Перехватил мачете в левую руку и снова бросился на меня – на этот раз более грамотно, не пытаясь все решить одним ударом, а метя по рукам. Кстати, удар ножом по невооруженной руке тоже здоровья не прибавляет, а вот ослабить врага, истекающего кровью, может запросто.

И делал он это мастерски, амбидекстр хренов, заставляя меня отступать к забору из колючей проволоки. Если ему удастся прижать меня к колючке, то все, хана. Там он меня и разделает, как быка на бойне…

Оставалось только одно. Я сделал шаг в сторону, уходя с линии атаки, и швырнул «Шайтан» в лицо бандита, метя в глаз. На таком расстоянии даже я, не особо искушенный в метании ножей, не должен был промахнуться…

Но ничего из моей затеи не вышло.

Бандит легко отклонился в сторону и отбил летящий кинжал обухом своего мачете. Потрясающее искусство владения клинком, ничего не скажешь.

Но для того, чтоб отразить нож, нужны были полсекунды – которые я использовал, бросившись на врага следом за «Шайтаном». Потому что пока противник отбивает твое летящее оружие, у тебя появляется шанс на то, чтобы рывком сократить расстояние, двумя руками схватить вооруженную руку врага – и, рванув со всей силы, направить ее туда, куда нужно.

Отлично заточенное лезвие мачете, казалось бы, лишь слегка коснулось шеи бандита, но результат был впечатляющим. Он всегда впечатляющий, этот результат, когда живому человеку вскрывают сонную артерию. Пульсирующий фонтан крови на метр лупит, не меньше, – правда, быстро сходит на нет, так как давление в системе стремительно падает.

А следом за этим приходит мгновенная слабость…

Бандит выронил мачете, схватился за шею, пытаясь зажать рану. Типичная реакция даже для тех, кто знает, как правильно действовать.

Правда, он быстро сориентировался – рука скользнула ниже раны, пальцы вдавились в шею, нащупали артерию, пережали… Я даже где-то зауважал своего противника, от мгновенно накатившей слабости рухнувшего на колени. Не каждый сумеет в подобной ситуации хладнокровно самому себе перекрыть кровоток. И вдобавок еще хрипло заорать:

– Хрен ли вы пялитесь, мать вашу? Шмаляйте в него нах!

Однако бандиты не спешили меня расстреливать. Переглянулись, один из них сказал неуверенно:

– Не по понятиям его валить, Бетон. Он по ходу тебя чисто сделал, по-пацански…

– Ништяк! – раздалось за их спинами. – Ваще блеск в натуре!

Из ворот, неспешно аплодируя, вышел высокий бандит в дорогом кожаном бронеплаще. У раненого такого же покроя был, но сильно попроще, из кожзама, и заметно дубовый – видимо, с твердыми защитными элементами. А тут на длинном знатный кожан – выделка на уровне, по`лы прям аж текут волнами при ходьбе. Капюшон на голове, маска на лице – все как положено. И в сгибе локтя зажато итальянское помповое ружье цены немалой. Видимо, на шум начальник всей этой шараги вышел, и следом за ним из ворот десяток бандюков выбежало, у всех в руках недешевое автоматическое оружие – немецкое, американское, ну и наши АК, разумеется, затюнингованные до предела и даже сверх предела. Сразу видать, халявные деньги бандитам упали, нормальный сталкер никогда себе на ствол столько обвеса не накрутит – коллиматоры, тактические рукояти, фонари, подствольники – чего там только не было. Ну и шмот на всех недешевый – в основном такой же, как на мне.

– Картина маслом нах, – сказал длинный, закончив аплодировать. – Что, Бетон, доигрался со своими ножичками?

– Не обессудь, Шах, я… – начал было раненый.

Но договорить не успел.

Длинный быстрым движением перехватил своего итальянца и нажал на спуск…

С близкого расстояния гладкоствол, заряженный патроном с пулей, имеющей экспансивную воронку, – это, конечно, жесть. При ударе о препятствие такая пуля раскрывается подобно цветущей розе, нанося страшные раны…

В данном случае препятствием послужила голова Бетона, верхняя часть которой просто взорвалась как спелый арбуз, по которому долбанули кувалдой. Бандита швырнуло на спину, ноги его дернулись несколько раз, словно он пытался

убежать от Смерти…

Но – не получилось. Тело вытянулось и затихло, теперь уже навсегда.

– Шах, блин, на хрена… – начал было один из пристяжи Бетона, но главарь в кожаном плаще с погонялом Шах быстро его осадил, направив ствол ружья в живот бандиту:

– Глохни, Сивый, пока маслину кишками не поймал. Бетон косяка дал, холку под свое же перо подставил – а нам тут косячные без надобности. И больнички рядом тоже нет – штопать Бетона без мазы, из него хлестало как из свина заколотого. Так что моя маслина ему как босяцкий подгон: ластами хлопнул без боли, шума и пыли. Годно я расклад дал или ты решил волну погнать?

– Все годно, Шах, без базара, – буркнул Сивый. – Но все равно за Бетона мозоль ноет, что его какой-то фраер уделал…

– Секу, Сивый, секу, суровая тема, – задумчиво протянул Шах, приближаясь ко мне.

И тут его глаза округлились:

– Ишь ты, а я ж этого фраера знаю! Был я в малине у Факира, когда он Халка рассчитал. Пика у него тогда знатная была, от нее Халк скукожился в изюмину и ластами хлопнул. Кто б прогнал про такое, я бы его в фуфлыжники враз определил, но тут своими зенками выпас. Ну чо, Снайпер, или как тебя там, какого хрена ты сюда колеса прикатил?

– А ты с какой целью интересуешься? – прищурился я.

– С целью поинтересоваться, – окрысился Шах, направляя мне ствол в живот. – Ну так как, будет базар или тебе с ходу лепень продырявить?

– Лепень мне еще пригодится, – хмыкнул я. – Тут народ прогнал, мол, на затоне приподняться можно, а я на мели. Вот и зарулил к вам.

Шах недоверчиво оглядел меня, зацепившись взглядом за куртку, потом перевел взгляд на автомат в обвесе.

– А лепень и ствол у тебя не Кистеня ли? – спросил он, упирая ствол мне в живот и кладя палец на спуск. – Помню, он в этом шмоте с Быком и Снулым в патруль укандехал. И как-то больно долго они в том патруле тухнут.

Я пожал плечами.

– А что, в Зоне любой прикид уникальный, как номер на калаше? Барыги шмот партиями завозят, если ты не знал, как и стволы, вот я и прибарахлился по случаю, как сумел.

– Гладко обставляешься, – хмыкнул Шах. – Даже если братва найдет тот патруль прижмуренным, за базар сможешь ответить – мол, реально прибарахлился как сумел, предъявить за базар нечего. Лады. Если те хмыри втроем тебя не сдюжили вальнуть, то их головняк. Пацаны разберутся, и если это ты их пришил, ответишь перед братвой за беспредел. Пока же не обессудь, стволы твои мы сныкаем, как и твое перо знаменитое. Кстати, где оно?

– А у тебя шнифты запотели? – участливо поинтересовался я. – Так протри их, может, «Бритву» и выпасешь.

Шах нехорошо оскалился, чисто как крыса, готовящаяся укусить.

– Ну-ка, братва, спеленайте этого разговорчивого да киньте в лабаз к остальным. А как тяжелые будут готовы работать, вы знаете что делать.

Надо отметить, что команды большака бандиты выполняли быстро и четко, не иначе к романтикам ножа и топора примкнули профессиональные военные, ищущие легкой наживы.

Двое из них быстро отделились от остальных, держа меня на прицеле, зашли сзади и, ловко заломив мне руки, туго перехватили их за спиной стяжкой. Пластик больно впился в кожу запястий – бандиты ничуть не заботились о моем комфорте, сволочи. Ладно. Со временем при случае рассчитаемся.

Пока меня вели через лагерь к баракам для пленных, я примечал, что где находится: вон там, очевидно, склад, который охраняют двое в экзоскелетах с ручными пулеметами в руках. Там казарма. Вон автопарк – два восстановленных БТРа с дорогими детекторами аномалий, вмонтированными спереди в броню… Примечал – и удивлялся, что мне никто на голову мешок не напялит, чтоб лишнего не рассмотрел. Понятно, что живыми пленные отсюда не выходят, но могли б хоть для приличия ограничить видимость, а то будто не Снайпера ведут.

Самое лучшее в этой ситуации – немного самоиронии, так как было понятно – бандиты слишком круто обставились для того, чтобы можно было сбежать отсюда, не поймав пулю в затылок. Ну а чего б им не обставиться, когда под боком такой клондайк, который они усиленно разрабатывают? Даже удивительно, что борги не подсуетились первыми затон под себя подмять. Но, видать, не до этого было, а сейчас уже непросто будет отсюда бандитов выбить – вон они аж целую батарею минометов закупили в количестве шести штук. Случись возле затона передвижение крупной военизированной группы, тут их сразу батарея и накроет – если, конечно, та группа не подкрадется и не ворвется в лагерь неожиданно. Тогда, конечно, минометы бесполезны…

Вот такого, переполненного сведениями о бандитском лагере, меня затолкали в тесный барак и дверь закрыли на засов снаружи.

В нос сразу ударила вонь давно не мытых тел, мочи и испражнений. По ходу, бандиты не морочились на тему гигиены пленных. Приспичило погадить? Вон угол есть, туда и вали, а после нюхай свое же дерьмо, все равно тебе, родной, недолго осталось.

Барак был сколочен из неплотно подогнанных досок, сквозь щели между которыми просачивался слабый свет – вполне достаточный, чтобы рассмотреть силуэты трех человек, сидящих на полу, прислонившись к стене. Двое рядом, один поодаль – что-то то ли бормочет, то ли напевает. Бывает. Зона такое место, у кого хочешь крыша поедет.

Признаться, я изрядно притомился – целый день на ногах, – плюс теперь еще запястья реально режет проклятая стяжка, которую бандиты и не подумали снять. Ладно, сейчас будет больно.

Я расставил ноги, слегка нагнулся вперед, напряг низ спины, отвел руки назад – и с силой саданул запястьями себе по копчику.

От рези в руках перед глазами запрыгали звезды, вдобавок почки заныли, по которым пришелся мягкий, но сильный удар предплечьями. Ах ты, зараза, не вышло…

Но меня боль только раззадоривает. Я стиснул зубы так, что они заскрипели, и ударил второй раз.

Показалось, что кисти рук себе срезал. Но проклятая стяжка лопнула!

Зашибись, получилось!

Я аккуратно потрогал запястья. В одном месте кожу рассекло, но это терпимо, крови почти нет. Нарукавную аптечку бандиты не конфисковали, потому я залепил рану пластырем и тоже присел возле стены, подальше от вонючего угла. Тут выбор был небольшой: либо ближе к куче дерьма и тем двоим, которые почему-то около нее жались, либо к этому психу, что-то тихо напевающему.

Ну, психов я не боюсь, сам с закидонами, потому сел напротив него и с наслаждением оперся спиной о стену, вытянув гудящие ноги. Получить удовольствие от жизни можно в любой ситуации, это зависит лишь от того, как ты на эту самую жизнь смотришь. Живой? Руки-ноги пока целы? Глаза видят, уши слышат, отливаешь без катетера? Ну и скажи спасибо Мирозданию, которое может внезапно забрать у тебя многое из того, что ты не замечаешь до тех пор, пока не потеряешь навсегда.

Кстати, тип, сидящий напротив меня, был здоров. Плечи шире моих раза в полтора, видно, что рост под два метра, лысый. А еще я бороду его разглядел в полумраке. Густая, свешивается до середины груди – и в нее он и напевает себе под нос.

Я прислушался от нечего делать.

И услышал следующее:

– В далеком лесу

Жует колбасу

И троллит лису, лису, лису

Веселый енот,

Пушистый енот,

Забавный енот, угу, ага.

Енот-полоскун,

Глазастый ласкун,

Веселый ласкун, ласкун, ласкун,

Енот-полоскун,

Енот-полоскун,

Енот-полоскун, угу, ага.

И снова то же самое по кругу.

Я покосился на тех типов, что приютились возле кучи дерьма. В чем-то их можно понять. Сидит такая рама, напевает себе под нос одно и то же как испорченная пластинка – хрен его знает, что от него ожидать. Лучше держаться подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ПВЛРО – пункт временной локализации радиоактивных отходов.

2

ПЗРО – пункт захоронения радиоактивных отходов.

3

Об этих событиях можно прочитать в романе «Закон войны» литературной серии «СНАЙПЕР».

4

Исторический факт.

---

Купить: https://tellnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-zatona

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить